

О. Б. ВАХРОМЕЕВА. *Преподавание наук на Высших женских (Бестужевских) курсах (1878–1918)*. РОССПЭН. М. 2018. 903 с.

Новая книга известного специалиста по истории женского образования в России, профессора Санкт-Петербургского университета Оксаны Борисовны Вахромеевой «Преподавание наук на высших женских (Бестужевских) курсах (1878–1918)». Со вступительным очерком «Границы женской эмансипации в дореволюционной России», вышедшая в серии «Ubi universitas, ibi Europa», является продолжением и своеобразным итогом предшествующих исследований автора, посвященных Бестужевским курсам.

Книга содержит разделы: «Вместо предисловия. Способны ли женщины к математике, Или сила идей Прудона», «Вступительный очерк. Границы женской эмансипации в дореволюционной России», два очерка («Профессорско-преподавательская корпорация Высших женских (Бестужевских) курсов и Третьего Петроградского университета (1878–1918)» и «Обозрение преподавания научных дисциплин на Бестужевских курсах»), а также «Заключительные слова».

Из самого названия текста, а также из первых абзацев видно, что автор стремится встроить проблематику женской эмансипации в изучаемую им «профессиональную деятельность профессорско-преподавательской корпорации Высших женских курсов» с учетом специфики российского феминизма (с. 5–6.).

Такая постановка проблемы вполне логична, однако понять, в чем состоит стратегия автора, из изложения непросто. О. Б. Вахромеева пытается объединить в своих рассуждениях два дискурса – о женском освободительном движении как части революционного процесса и об общем для интеллигентных мужчин и женщин стремлении к служению народу и православному (особом) русском характере этого движения: «не противопоставляя себя мужчинам, женщины стремились занять место рядом с ними, что говорило о сильном православном семейном начале» (с. 7). Если первое положение не вызывает возражений, то второе, учитывающая социалистический и материалистический характер мировоззрения русской прогрессивной молодежи рубежа XIX–XX вв. внушает сомнения, тем более что автор не приводит никаких подтверждающих эти построения аргументов. Эмансипация женщины в русском общественном дискурсе неразрывно связана с образом Веры Павловны из известного романа, который был настольной книгой русского студенчества в последние десятилетия существования старого порядка. Об этом влиянии пишет и сама Вахромеева (с. 70–71). В этом контексте несколько спорной (хотя и не лишенной интереса) кажется мысль автора о том, что на пути женской эмансипации стоял социалист Прудон (с. 10).

Сами границы женской эмансипации Вахромеева определяет, анализируя комплекс нормативно-правовых актов и политику властей, связанную с положением женщины в Российской империи. Автор убедительно показывает, что право и реальная практика часто расходились. Можно согласиться с наблюдением автора о том, что «большинство юридических норм, призванных изменить положение женщин, проводилось «сверху», даровалось обществу по милости государя императора и подготавливалось без привлечения сколько-нибудь широких кругов общественности».

Несколько затрудняет чтение дистанцирование автора от общепринятой в историко-правовых текстах терминологии и стилистики («Государственные и правовые акты по «женскому вопросу» редко совпадали по времени», «Морально-нравственные идеалы нарушались строгой принудительной силой закона» и т.п.). Между тем из этого раздела читатель вынесет массу различных сведений – от статистики по преступлениям среди женщин до классификации преступлений против чести и целомудрия.

Во вступительном очерке приводится и целый ряд других сюжетов, например, связанных с условиями женского труда, в том числе фабричного (с. 196–218). Хотя эта информация вроде бы и является посторонней по отношению к теме книги, она создает тот важный фон, который втягивает читателя в тему женского вопроса. Вахромеевой удалось ярко показать всю противоречивость как политики властей, так и усилий «прогрессивного» российского общества, направленных на его решение (с. 14–95). К проблематике, связанной с Высши-

ми женскими (Бестужевскими) курсами (далее – ВЖК) автор подходит исподволь, вводя читателя в обстоятельства создания «женского университета» (с. 96–218). В этом разделе проявляются особенности авторского стиля исследователя, характерные для книги в целом. Автор, во-первых, делает частые и обширные биографические экскурсы в жизнь и деятельность героев повествования (в том числе в сферах, с курсами никак не связанных), во-вторых, приводит подробные (иногда на несколько страниц) цитаты из документов разного типа – отчетов, справочных книжек, исследовательских текстов, мемуаров, студенческих рефератов, студенческих стихов и т.п. Несмотря на некоторую спорность такого подхода с точки зрения задач аналитического изложения, читатель оказывается погружен в круг различных по характеру исторических источников. В фокусе исследователя не только собственно курсы, но и все, что их окружало, – «Общество вспоможения окончившим курсы» (с. 168–181), «Общество вспомоществования слушательницам высших женских курсов» (с. 181–186) и т.д. Автор дает очерк возрастного и религиозного состава курсисток, рассказывает о деятельности землячеств, бестужевках-иностранках, приводит краткую характеристику деятельности выпускниц ВЖК, сделавших карьеру в науке (с. 223–246). По наблюдению автора, «в сфере образования трудились до 80% окончивших курсы» (с. 240).

В центре внимания следующего очерка («Очерк первый. Профессорско-преподавательская корпорация Высших женских (Бестужевских) курсов и Третьего Петроградского университета (1878–1918)», с. 248–477) – преподавательский состав

курсов. Большую часть этого раздела монографии составляет «Список профессорско-преподавательской корпорации Санкт-Петербургских – Петроградских Высших женских (Бестужевских) курсов и Третьего Петроградского университета (1878–1918)» (с. 353–477). Вахромеевой проведена колоссальная работа: выявлено 538 лиц, преподававших на курсах (в их число автор включает и оставленных при ВЖК). В приведенной таблице помимо ФИО приводятся краткие сведения о научной деятельности, биографии, преподаваемых курсах. Автор дает представление о структуре корпорации, показывая ее отличия от «мужского университета» (с. 260). Одно из таких различий заключалось в отсутствии жесткого штатного расписания, закрепленного законом, что приводило к проблеме штатной «перегрузки», от которой особенно страдал историко-филологический факультет, где по предложению И. М. Гревса в 1913 г. была проведена реформа, закрепившая предельную норму профессоров (с. 336–337).

Вахромеева наглядно восстанавливает процесс появления первых преподавателей-женщин на ВЖК – сначала в роли ассистентов, а затем и профессоров (защитившие диссертации Н. Н. Гернет и О. А. Добиа-ш-Рождественская) (с. 340). Автор связывает изменения в структуре ВЖК (преобразование отделений в факультеты) и замену деления на курсы делением на группы с установлением с 1906 г. предметной системы преподавания (вместо курсовой) (с. 285). Она наглядно показывает, что переход к предметной системе вызвал как общее увеличение числа слушательниц, так и рост вынужденного отсева заявлений новых абитуриенток (с. 289–290). В целом

переход к предметной системе, как считает автор, имел позитивные последствия для слушательниц (с. 295–296).

В 1910 г. курсы были признаны учебным заведением с университетским объемом преподавания. Однако, как отмечает автор, это достижение имело и обратную сторону, связанную с распространением на ВЖК требований о процентной норме относительно студенток-евреек, что вызвало массовые фиктивные крещения абитуриенток (с. 306). В монографии показано, что усилия профессоров юридического факультета курсов позволили подготовить принятый в 1911 г. закон «Об испытании лиц женского пола в звании курса высших учебных заведений и о порядке приобретения ими ученых степеней и звания учительниц средних учебных заведений», который открыл перед выпускницами ВЖК возможности полноценной и разнообразной карьеры (с. 320–321). В 1913 г. выпускное свидетельство Бестужевских ВЖК было приравнено к университетскому (с. 327). Первая испытательная комиссия для выпускниц ВЖК при университете была открыта в 1912 г., а самостоятельная комиссия при самих ВЖК – в 1916 г. (с. 322). Важно, что Вахромеева дает многоплановые наблюдения, связанные с портретом корпорации, выходящие за рамки собственно преподавания. Так, заслуживают внимания приводимые автором примеры частых браков между бестужевками и их преподавателями, а также указание на традицию преподавания на курсах представителями одной семьи (с. 259). В тексте уделяется немало внимания различным университетским коммеморациям – юбилеям самих курсов, профессоров, другим

памятным мероприятиям (см., в частности, с. 327–331).

Другая немаловажная тема – размер заработков преподавателей ВЖК (с. 260–263). Еще один интересный сюжет, к которому снова и снова обращается исследователь, – деятельность ученых кружков и землячеств (см. напр., с. 271–273). К практикам внекурсового общения преподавателей со слушательницами наряду с научными кружками можно отнести и знаменитые профессорские экскурсии (с. 291–293). Интересны наблюдения автора о конфликтах между слушательницами за место в профессорских семинариях (с. 324). Вахромеева обращает внимание и на деятельность дисциплинарных судов ВЖК, подчеркивая, что они «редко прибегали к строгим мерам, избирая тактику открытых обращений и долгих уговоров» (с. 274).

В третьем разделе книги («Очерк второй. Обзор преподавания научных дисциплин на Бестужевских курсах») материал сгруппирован по направлениям преподавания: внефакультетские предметы, точные и естественные науки, историко-филологические науки, юриспруденция и статистика (с. 478–901). Такой подход позволил дать развернутое описание практик преподавания в разных областях, биографий ученых различных специальностей, судебных курсисток, специализировавшихся в разных сферах, и т.п. Некоторые сюжеты предшествующего очерка получили, таким образом, развитие в этой части монографии. К ним можно отнести карьеру «оставленных на ВЖК» (напр., с. 494–499), университетские коммеморации (с. 495–496, 696–701, 705–706, 770–773), роль предметной системы преподавания (с. 483, 561, 799), судьбы бестужевок

после окончания курсов (с. 516–519, 847–853), работу научных кружков (с. 528–536, 712–713, 715–717, 744, 873), экскурсии (с. 749–758), укомплектованность преподавательским составом (с. 760), браки с преподавателями и семейные связи (с. 608, 613, 616–617), социальное и экономическое положение слушательниц ВЖК (с. 882–886) и многое другое. Среди любопытных наблюдений автора – процесс дифференциации научного знания, протекавший в последние десятилетия XIX – начале XX века. Так, Вахромеева демонстрирует, как проходило отделение всеобщей истории от литературы (словесности) (с. 739), показывает, что в некоторых областях эффективность обучения на курсах была низкой. Например, всего 7,325% поступивших в 1906 г. на юридический факультет смогли окончить его в срок (с. 846).

Завершают книгу «Заключительные слова» (с. 902–903). Автор дала разделу точное определение, так как развернутого заключения, подведения итогов и выводов этот короткий (чуть более страницы) раздел не содержит. Хотя в самой книге мы не находим списка источников и литературы, он представлен на странице издания в eLibrary и содержит 455 наименований. Крайне затрудняет работу с книгой отсутствие именного указателя. Учитывая авторскую манеру построения нарратива, связанную с многократным возвращением к одним и тем же сюжетам, изданию также не помешал бы и предметный указатель.

Автор очевидно не ставила задачу сообщить, «как было на самом деле», приводя разноплановые показания источников, обширные цитаты из литературы, предлагая читателю все выводы и заключения делать са-

мостоятельно. Вообще, книге очень не достает хотя бы кратких источниковедческого и историографического очерков. Из контекста не всегда ясно, как глубоко проработана та или иная тема и как к предшествующей традиции относится сам автор. Еще сложнее дело обстоит с источниками, огромные цитаты из которых как бы ведут за собой и читателей, и автора. Вахромеева вводит в научный оборот обширный архивный материал, главным образом, из фонда ВЖК в архиве Музея истории СПбГУ. Однако в некоторых случаях не совсем понятно, зачем в тексте присутствуют те или иные документы целиком – в особенности, когда речь идет об опубликованных изданиях. Вряд ли имела смысл и републикация источников личного происхождения, собственно к курсам отношения не имеющих (напр.: Гревс И. М. Мои встречи и отношение к Владимиру Соловьеву (черновик), с. 639–643). Многие страницы книги занимает публикация документов, которые можно было бы дать в приложении (напр.: Зеленецкая Е. В. Доклад в семинарии Д. В. Айналова «Готическая статуя и ее свойства», с. 824–826; Руднева С. Д. Амфора Милетского стиля из окрестностей станицы Таманской, с. 830–834). Тем более в приложении следовало бы разместить биографию Е. Р. Измествеовой-Новожиловой (с. 853–861), написанную ее внучкой Т. Ю. Новожиловой «специально для настоящего издания» (с. 852).

Некоторые фразы из официальных источников, приводимые автором, как бы принимаются на веру, хотя выглядят не очень убедительно. Так, в отчете ВЖК за 1891–1892 уч. г. повествуется о том, что товарищ министра народного просвещения кн. М. С. Волконский выразил удоволь-

ствие от услышанного на экзамене по теории словесности, при этом чиновник, согласно отчету (и мнению автора монографии?), считается «последним носителем чистого русского языка в его литературной форме» (с. 269). Не совсем понятно утверждение о том, что предметная система не требовала «непрерывного присутствия учащихся на занятиях», а «роль профессора в основном сводилась к индивидуальным консультациям, приему экзаменов и зачетов по заявкам студентов» (с. 281). Отмечу в этой связи, что «непрерывного присутствия» не требовала и курсовая система, а предметная никак не освобождала профессора от лекционных курсов. Автор принимает на веру стандартные формулировки, связанные с желанием того или иного профессора покинуть курсы. Например, «по состоянию здоровья Н. П. Кондаков был вынужден уйти с курсов уже через год. Ему еще предстояла организация Русского археологического института и большая научная работа» (с. 817). К сожалению, ссылки на архивные документы не раскрываются. Оформление цитат также вызывает вопросы. Из текста не ясно, где даются многоточия цитируемого текста, а где купюры автора монографии. В некоторых случаях, цитируя документы целыми страницами, автор забывает поставить кавычки вовсе (Отчет общества для доставления средств Высшим женским курсам за 1907–1908 уч. год, с. 298–299). Загадочным является сопровождение некоторых не заковыченных примечаний скобками с авторской аббревиатурой «О.В.». Возникает вопрос, кому же принадлежат остальные примечания?

Достоинством работы является дистанцирование автора от ка-

ких-либо политических оценок. Для Вахромеевой положительными героями являются и Д. А. Толстой («много сделал для народного просвещения России»), и его оппоненты от революционных демократов до либералов. Автор ярко показывает, что ВЖК были предметом постоянного беспокойства правительства из-за революционной фронды, но в то же время и «предметом гордости правительственных чиновников», которые демонстрировали их в качестве «витрины» российского образования европейским коллегам (с. 322–323). В то же время неизменно почтительный (а иногда почти восторженный) тон, которым автор излагает вехи научной деятельности и биографии героев своих очерков, носит подчеркнуто коммеморативный характер, у читателя иногда создается впечатление чтения непрерывного некролога. В результате оказывается, что лекции и курсы почти у всех героев отличались, например, «информативностью и доступностью» (с. 736), «эрудицией и темпераментом» (с. 743), «разнообразием» (с. 813), «были очень популярны» (с. 890) и сами преподаватели славились обширной «педагогической и научно-литературной деятельностью» (с. 809). Отчасти тональность авторского нарратива обусловлена основной массой источников личного происхождения, которые использованы в тексте. Это воспоминания, принадлежащие бестужевкам, которые сделаны спустя много лет после окончания курсов, как правило, в коммеморационных целях¹. Эти воспоминания, как справедливо отмечает Вахромеева, отражают чувство «глубокой благодарности» мемуаристов к «величественному Гримму», «замечательному Пергаменту», «увлекающему

Ельяшевичу», «бесконечно интересному Тютриму», «международнику Пиленко», «яростному криминалисту Жижиленко» и т.п.

Вахромеева вслед за своими предшественниками² называет Бестужевские курсы «первым женским университетом дореволюционной России». Однако аргументы автора сводятся к тому, что из всех ВЖК (первые возникли в 1872 г. в Москве) Бестужевские «курсы просуществовали непрерывно четыре десятилетия» (с. 218), что является недостаточным основанием для такого суждения. Тем более, что автор сама показывает двойственность системы отсчета даты основания ВЖК в практике самих курсов (наличие двух вариантов и двух дат – 1878 и 1889 гг.) (с. 271). Другим примером «принятия на веру» традиционных историографических штампов кажется утверждение автора о том, что «остатки автономии курсов были ликвидированы уже в 1908 г.» (с. 303), при том что далее описывается противостояние корпорации и власти.

Важная сквозная тема книги – сравнение женского и мужского университетов. Автор справедливо подчеркивает, что «учебный процесс на Бестужевских курсах и в Санкт-Петербургском университете имел много схожих черт» (с. 561). В то же время, по наблюдению Вахромеевой (которое она приводит со ссылкой на С. Б. Окуня), на Бестужевских курсах «царила более свободная обстановка», профессора читали лекции иначе, и студенты университета нередко приходили на курсы послушать именно «бестужевский вариант» (с. 92). Автор считает, что в «женский» университет из мужского в 1880-е гг. была перенесена и традиция семинарских занятий (с. 684). На мой

взгляд, более правильным было бы говорить о параллельном зарождении традиций исследовательских семинаров в обоих учебных заведениях. Автор затрагивает тему отношений между студентами университета и бестужевками. Например, указывает на курьезные случаи, «когда вместо барышень латинский язык приходили сдавать их товарищи по университету, переодетые в женские платья» (с. 296). Между тем, собственно гендерная проблематика, связанная с взаимоотношениями полов, в тексте почти не затрагивается. Фактически вне поля зрения Вахромеевой оказываются и два важных опыта, связанных с попыткой допуска женщин в мужской университет (в 1859–1861 и 1905–1911 гг.).

Другая сквозная тема – поддержка идеи создания курсов и работа на них университетских профессоров. Вахромеева акцентирует внимание на ценностной (идейной) составляющей участия профессуры в деятельности курсов. Между тем не меньшее значение, на мой взгляд, имели и другие факторы – финансовый и схоларный. Из изложения автора видно, что курсы зачастую обеспечивали функционирование научных школ, складывавшихся в Петербургском университете. Повествуя о событиях второй половины 1880-х гг. и эпопее, связанной с прекращением приема на курсы, Вахромеева почему-то обходит стороной историю противостояния МНП и университетской корпорации и общественных баталий, вызванных введением в действие университетского устава 1884 года. В изложении периодически возникает и тема революционного движения в женском университете, в частности, автор пишет о студенческих вол-

нениях в эпоху кризиса Л. А. Кассо (с. 192–193, 194, 307–319, 862–863). Вахромеева также на различных примерах показывает напряженность в отношениях власти и либеральной профессуры (см., напр. с. 742). В этой связи хотелось бы большей рефлексии автора относительно событий в российской высшей школе, которые во многом влияли на обстановку на ВЖК во время всех кризисов рубежа веков, в частности в эпоху Кассо (1910–1914)³.

Контекст современной историографии, посвященной истории российской высшей школы и университетскому вопросу, многообразен. В этой связи следует признать, что книга Вахромеевой оставляет больше вопросов, чем дает ответов, и в этом смысле выпадает из *контекста современных university studies*. Каков был «идеал» преподавателя на курсах? Как он зависел от «гендерного фактора», от идеала мужественности? Отличались ли практики «женского университета» от «мужского»? Какова была динамика численности преподавательского корпуса? Каков был его социальный / наукометрический портрет и как он различался в разных отраслях знания? Как менялось восприятие ВЖК в обществе? В научной среде? Существовала ли отдельная корпоративная идентичность академического состава женского университета или она терялась в тени «мужской», к которой принадлежало большинство преподавателей? Исходя из огромного материала, представленного в книге, эти проблемные вопросы можно продолжать, но авторская позиция по ним отсутствует.

Вместе с тем, работа, проведенная Вахромеевой, дает читателю возможность формулировать эти

и многие другие вопросы. Но самое главное – рецензируемый труд является уникальным сводом информации о ВЖК и уже используется не только в исследовательской литературе, но и в формировании баз данных по истории науки⁴. В этом смысле, каково бы ни было отношение к достоинствам и недостаткам рецензируемого сочинения, само его появление открывает перед историографией новые горизонты.

Е. А. РОСТОВЦЕВ

(доктор ист. наук, профессор Санкт-Петербургского гос. университета, ведущий научный сотрудник Томского гос. университета)

Примечания

Публикация подготовлена при поддержке Российского научного фонда (проект № 18–18–00121). Благодарю за помощь И. В. Сидорчука и И. П. Потехину.

1. Наша дань Бестужевским курсам. Воспоминания бывших бестужевков за рубежом. Париж. 1971

2. См., напр.: ФЕДОСОВА Э. П. Бестужевские курсы – первый женский университет в России (1878–1918). М. 1980.

3. БАРИНОВ Д. А. Кризис высшей школы 1911 г. в фокусе историографии. – Клио. 2017, № 10 (130), с. 106–117.

4. См., напр.: Биографика СПбГУ: <https://bioslovhist.spbu.ru/>